

RU

Установление продовольственной диктатуры советским правительством в 1918 году: причины и последствия (на материалах Арзамасского уезда Нижегородской губернии)

Белохвостов А. Н.

Аннотация. Цель исследования – опираясь на архивные источники, дать характеристику продовольственной политики в Арзамасском уезде Нижегородской губернии в 1918 г., направленной на установление продовольственной диктатуры. В статье указаны основные причины хлебного кризиса, рассмотрен процесс установления продовольственной диктатуры, выявлены особенности политики руководства Арзамасского уезда по решению продовольственной проблемы. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем преимущественно на основе информации из архивных источников дана характеристика продовольственного положения и продовольственной политики в Арзамасском уезде в указанный период. В результате исследования установлено, что введение продовольственной диктатуры было вынужденной мерой для стабилизации обстановки в ситуации острого продовольственного кризиса весной 1918 г., когда во многих городах, включая Арзамас, возникла реальная угроза голода. Определено, что большевистское руководство Арзамасского уезда в вопросе проведения продовольственной политики стояло на более радикальных позициях, чем центральное руководство партии.

EN

The establishment of a food dictatorship by the Soviet government in 1918: causes and consequences (based on materials from the Arzamas uyezd of the Nizhny Novgorod Governorate)

A. N. Belokhvostov

Abstract. The study aims to characterize the food policy in the Arzamas uyezd of the Nizhny Novgorod Governorate in 1918, directed toward the establishment of a “food dictatorship”, based on archival sources. The article identifies the primary causes of the grain crisis, examines the process of establishing the food dictatorship, and reveals the specific features of the Arzamas uyezd leadership’s policies aimed at resolving the food problem. The scientific novelty of the study lies in providing a characterization of the food situation and food policy in the Arzamas uyezd during this period, drawing primarily on information from archival sources. The research establishes that the introduction of a food dictatorship was a forced measure taken to stabilize the situation during the acute food crisis of spring 1918, when a real threat of famine arose in many cities, including Arzamas. It is further determined that the Bolshevik leadership of the Arzamas uyezd held more radical positions regarding food policy implementation than the central party leadership.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что такой дискуссионный вопрос, как установление продовольственной диктатуры в 1918 г., еще недостаточно хорошо изучен в его региональном измерении. Арзамас являлся вторым центром Нижегородской губернии по численности населения, экономическому и политическому значению. С августа 1918 г. в городе временно располагался Штаб Восточного фронта. Для исследователей периода «военного коммунизма» изучение истории Арзамасского уезда представляет особый интерес в связи с тем обстоятельством, что местная большевистская власть по ряду вопросов, включая политику в отношении деревни, занимала позицию, отличную от генеральной линии Российской коммунистической партии (большевиков).

Задачи исследования:

- выявить причины острого продовольственного кризиса;
- проанализировать основные мероприятия, связанные с установлением продовольственной диктатуры на уровне Арзамасского уезда;
- охарактеризовать результаты и последствия продовольственной политики.

В исследовании применяются исторический (историко-генетический) метод, позволяющий изучать исторические явления в процессе их развития, и историко-сравнительный метод, который состоит в сопоставлении исторических объектов и событий и в выявлении сходства и различия между ними.

Материалом для исследования послужили сведения, собранные автором при изучении фондов Государственного архива Нижегородской области в городе Арзамасе (ГАОА, ф. Р-4, оп. 1, д. 23; ф. Р-23, оп. 1, д. 8, 53, 78, 104, 110; ф. Р-23, оп. 3, д. 4, 73), а также опубликованные исторические документы (Забвению не подлежит..., 1994; Декреты Советской власти, 1959).

Теоретическую базу исследования составляют работы российских историков, в которых анализируются различные аспекты продовольственного кризиса в 1916-1920 гг. (Липатова, 2015; Медведев, 2016; Медведева, Бушуева, 2018; Оськин, 2015; Сахневич, 2014; Сепелев, 2025), взаимоотношений власти и крестьянства (Никулин, 2022), общественно-политической борьбы на территории Нижегородской губернии и в Арзамасе (Андрюхин, 2017; Демичев, 2020; Шульпин, 1957). В работах Н. Н. Греховой и О. В. Ефимова (2011), а также А. В. Потороева (2017) рассматривается, в том числе, продовольственная ситуация в Арзамасском уезде в период установления продовольственной диктатуры. А. В. Потороев (2017), признавая угрозу голода в городе и уезде весной-летом 1918 г., всю вину за создавшееся положение возлагает на Советскую власть. Н. Н. Грехова и О. В. Ефимов (2011) дают более взвешенную оценку происходивших событий, указывая на многочисленные объективные трудности и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться местным властям в проведении социально-экономической политики.

Практическая значимость статьи заключается в том, что ее материалы могут быть использованы для подготовки учебных и учебно-методических пособий по истории Нижегородского края и Арзамаса.

Обсуждение и результаты

С началом Первой мировой войны царское правительство запретило экспорт хлеба и фуражных запасов. Прогнозировалось снижение цен на сельскохозяйственные продукты, так как весь хлеб, предназначенный для отправки в другие страны, остался в Российской империи, а благоприятные природные условия обеспечили довольно хороший урожай. Однако привычные рыночные механизмы в этот раз не сработали. Паника, охватившая массы, и действия спекулянтов вопреки первоначальным ожиданиям привели к повышению цен на хлеб. К осени 1915 г. обозначился хлебный кризис, а уже в 1916 г. продовольственные волнения охватили многие районы страны (Сепелев, 2025, с. 109-112).

Временное правительство законом от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства» ввело государственную хлебную монополию. Весь объем запасов, за исключением необходимого минимума для личного потребления, обсеменения полей и хозяйственных нужд, должен был передаваться крестьянами государству по твердым ценам. Свободная торговля и спекуляция запрещались. У тех, кто отказывался от добровольной сдачи хлеба, планировалось проводить реквизиции (Сахневич, 2014, с. 140).

Радикальные меры Временного правительства не встретили понимания со стороны крестьянства. В письмах в столицу они возмущались, что жесткие меры применяются только в отношении земледельцев, а представители других социальных слоев живут как прежде, не испытывая особых тягот (Оськин, 2015, с. 165). Крестьянство требовало введения такой же монополии на промышленные товары массового потребления, но попытка Временного правительства установить твердые цены на промышленную продукцию провалилась (Липатова, 2015, с. 6-9). Проведение в жизнь закона о хлебной монополии фактически было сорвано деревней. Слабая центральная власть в 1917 г. не смогла создать эффективного механизма по учету и изъятию излишков продовольствия у сельских жителей.

Нижегородская губерния относилась к числу потребляющих, своим хлебом могла обеспечить себя лишь наполовину и сильно зависела от ввоза зерна из производящих регионов. Экономические проблемы в Нижегородской губернии нарастали со второй половины 1916 г. С начала 1917 г. фиксировались длинные очереди у продовольственных магазинов, повышение цен, спекуляция. Крестьянские хозяйства испытывали трудности в связи с нехваткой рабочих рук и лошадей вследствие массовой мобилизации в российскую армию и отсутствием зерна для посева. В июле Нижегородская городская продовольственная управа констатировала наличие продовольственного кризиса, так как крестьяне отказывались сдавать хлеб по установленным Временным правительством государственным закупочным ценам. Ситуацию усугубила засуха 1917 г. С 1 августа хлеб в губернском центре распределялся по карточкам. Осенью появились сообщения о голоде в целом ряде уездов (Медведева, Бушуева, 2018, с. 93-94). Таким образом, еще до Октябрьского восстания продовольственный вопрос становится самой насущной проблемой для местных властей.

С наступлением весны 1918 г. продовольственная ситуация в Нижегородской губернии, как и в других потребляющих губерниях, имела тенденцию к резкому ухудшению. Одной из важных причин углубления продовольственного кризиса в Советской России являлась потеря части зернопроизводящих районов, оказавшихся под контролем Германии по условиям Брест-Литовского мирного договора. Вскоре, в ходе начавшейся

Гражданской войны, многие губернии с наиболее плодородными почвами были отрезаны от Советской России наступающими армиями казаков и белогвардейцев.

Другая причина дефицита продовольствия в городах состояла в существенном сокращении производства промышленных товаров, которые могли бы обмениваться на зерно и муку. В Нижегородской губернии к концу Гражданской войны из 1723 промышленных предприятий работало 411, а совокупный выпуск продукции этими предприятиями составлял лишь 23% по сравнению с 1913 г. (Климченков, 2020, с. 306). Рабочие вынуждены были в поисках пропитания уходить в села и деревни, где у большинства из них проживали родственники, либо заниматься кустарничеством. Часть рабочих стала возделывать огороды. К концу мая 1918 г. в Нижнем Новгороде появилось 20 огородных коммун (Медведев, 2016, с. 54).

Негативным образом на продовольственный рынок влияло также стремительное разрушение денежно-финансовой системы. Деньги быстро теряли покупательную способность, поэтому сельские жители отказывались обращать продукцию в денежные знаки, предпочитая создавать запасы продовольствия в своих хозяйствах, скармливать зерно скоту, пускать хлебные излишки на производство самогона (Никулин, 2022, с. 103).

В Арзамасском уезде Нижегородской губернии острый дефицит продовольственных товаров ощущался с конца 1917 г. Весной следующего года фиксировались случаи голодной смерти (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 8, л. 9), наблюдалась вспышка эпидемии сыпного тифа (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 104, л. 22). В резолюции Арзамасского исполкома от 17 апреля 1918 г. констатировалось, что уезд питается только картофелем и находится накануне голодного бунта (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 8, л. 8).

Ситуация усугублялась трениями с губернскими властями, переросшими в открытый конфликт после отказа помогать агентам, присланным из Нижнего Новгорода для реквизиции обуви в Выездной Слободе. Сапоги, производившиеся в этом селе, Арзамасское руководство намеревалось обменивать на зерно или муку в хлебных районах Дона, поэтому соглашалось на реквизицию сапог только в том случае, если за товар будут заплачены не деньги, а хлеб (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 8, л. 3). В ответ на угрозу ареста всего Арзамасского совета уездный исполком поставил вопрос об отделении от Нижнего Новгорода и образовании Арзамасской губернии (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 8, л. 6).

На фоне продовольственного кризиса во всей губернии, включая Арзамасский уезд, обострилась политическая обстановка, фиксировались многочисленные кровавые эксцессы.

Первое столкновение произошло в городе Семенове, где при разгоне отрядом красновардейцев антибольшевистского митинга 15 января 1918 г. было убито четыре местных жителя. 19 марта в селе Хвощевка Горбатовского уезда крестьяне жестоко избили красновардейцев, прибывших в этот населенный пункт для учета хлеба. От полученных в результате побоев ран умерло девять человек. 24 мая 1918 г. в селе Богородском толпа рабочих и крестьян, находившаяся под влиянием агитации меньшевиков, правых эсеров и местной буржуазии, с требованиями «Хлеба!», войдя в здание Совета, расправилась с членами Богородского комитета Российской коммунистической партии (большевиков). Жертвами мятежа стали пять коммунистов, в том числе начальник Богородского отделения Всероссийской чрезвычайной комиссии А. Ю. Юргенс. 25 мая 1918 г. в городе Кулебаки правые эсеры бросили бомбу в штаб Красной гвардии – погибли трое красновардейцев (Андрюхин, 2017, с. 63-82).

В Арзамасе первое серьезное выступление оппозиционных сил произошло 22 апреля 1918 г. Толпа людей, возмущенных политикой Арзамасского Совета, с криками «Бей коммунистов!» направилась к зданию уисполкома, разоружила охрану и потребовала выдачи руководителей Совета. Вызванный по тревоге отряд Красной гвардии разогнал мятежников. По пути следования к зданию Совета красновардейцы подверглись нападению, четверо из них были убиты. В этот же день город объявляется на осадном положении, а власть передается Военно-революционному комитету в составе трех лиц. У главных зачинщиков восстания все имущество было конфисковано и передано семьям погибших (Очерки истории Арзамаса, 1981, с. 120; История Арзамаса..., 2016, с. 250). Арзамасский историк и краевед А. В. Потороев (2017, с. 214), не приводя документальных свидетельств, высказал предположение, что несколько участников мятежа были брошены в тюрьму и казнены.

В «Обзоре контрреволюционных выступлений в Нижегородской губернии за 1918-1920 гг.», подготовленном сотрудниками Нижегородского губернского революционного трибунала, отмечалось, что выступление в Арзамасе 22 апреля 1918 г. произошло на почве продовольственных затруднений (Демичев, 2020, с. 84).

Рост политической и социальной напряженности весной 1918 г. требовал от большевиков принятия радикальных мер по стабилизации обстановки. Существовавшая на тот момент система государственного снабжения продовольственными товарами городов в силу возникших объективных трудностей не давала нужного результата, а любое промедление в вопросе организации заготовок хлеба могло привести к масштабному голоду среди городского населения и неимущих слоев деревни. Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 13 мая в Советской России устанавливается продовольственная диктатура (ГАОА, ф. Р-4, оп. 1, д. 23, л. 144). От преимущественно экономических методов в процессе проведения хлебозаготовок государство, предоставив чрезвычайные полномочия продовольственным органам, перешло к силовому изъятию излишков хлеба у крестьян.

Своей главной опорой в деревне большевистская власть считала беднейшее крестьянство, поэтому на него была возложена функция помощи продовольственным органам в мероприятиях по хлебозаготовкам. 11 июня 1918 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) и Советом народных комиссаров (СНК) издается декрет «Об организации и снабжении деревенской бедноты», положивший начало созданию комитетов бедноты как чрезвычайных органов управления, действовавших наряду с обычными структурами местной власти (Декреты Советской власти, 1959, с. 416-419).

В Арзамасском уезде принимались энергичные меры к воплощению в жизнь декретов, связанных с установлением продовольственной диктатуры. В специальной инструкции уездного исполкома подробно излагалась процедура формирования комитетов бедноты (комбедов), четко определялись их права и обязанности.

Избирать и быть избранными в комбеды могли все жители сел и деревень за исключением кулаков, богатеев, лавочников, спекулянтов, мельников и хозяев, имеющих излишки хлеба и других продуктов. Сельские и деревенские комбеды объединялись в волостной комитет бедноты и выбирали волостного комиссара по продовольствию, утверждаемого на уездном уровне. Не реже двух раз в месяц планировалось созывать волостные собрания, на которых комиссар по продовольствию и каждый комбед давали бы отчет о своей работе и сообща вырабатывали дальнейший план работы по волости (Забвению не подлежит..., 1994, с. 95-96).

В обязанность комбедов, согласно инструкции, входил строгий учет посевной площади озимых и яровых культур во всех хозяйствах. Имея представление о средней урожайности в снопах и среднем обмолоте в зерне с сотни снопов, комитет бедноты должен был высчитать, а потом и проверить при обходе и обыске, сколько у каждого крестьянина нажато и намолочено. Далее требовалось учесть, сколько в семье едоков и определить количество рабочей скотины, после чего производящему крестьянину оставлялся хлеб на посев (10 пудов на десятину) и на потребление: месячная норма на одного едока – 30 фунтов зерном или 25 фунтов мукой. Для прокорма рабочей лошади планировалось оставлять до трех пудов зерна на месяц, а также сено и яровую солому (в расчет принималось не более двух рабочих лошадей на каждые 10 десятин). На корову полагалась половинная норма. Все излишки должны были сдаваться по твердым ценам, установленным высшими продовольственными органами, и сыпаться в общественный амбар для правильного распределения среди крестьян, не имеющих хлеба (от 15 до 20 фунтов на человека). Оставшийся хлеб комбедам предписывалось передавать в уездный продовольственный комиссариат с последующей доставкой в те местности, где его не хватало (Забвению не подлежит..., 1994, с. 96-97).

В инструкции исполкома Арзамасского совета по организации и работе комитетов деревенской бедноты важное место отводилось борьбе со спекуляцией. Здесь констатировалось, что «главная разруха в продовольственном вопросе произошла от неимоверно разившейся спекуляции хлебом и другими продуктами» (Забвению не подлежит..., 1994, с. 97). Поэтому в обязанность комбедов, среди прочего, входило внимательно следить за тем, чтобы хлеб из сел не вывозился отдельными лицами и не перепродавался одним хозяином другому без ведома официальных органов власти. Комитеты бедноты получили, в том числе, право задерживать любых граждан из других сел и волостей, везущих через их село хлеб с целью спекуляции. В этих случаях нарушителей закона вместе с обнаруженным хлебом требовалось препровождать для дальнейшего разбирательства в Арзамасский совет (Забвению не подлежит..., 1994, с. 97-98).

Административные и организационные усилия со стороны уездных властей дополнялись пропагандистскими мероприятиями. Арзамасский совет вел агитационную работу среди бедных слоев деревни, рассылая обращения к сельским жителям, в которых разъяснялось социально-классовое и экономическое содержание новой политики советской власти на селе. В частности, сбор денег с зажиточных селян обосновывался как необходимая мера в борьбе с гиперинфляцией: «Без комбедов нам не устроить жизни, так как богатые не хотят платить большого количества податей, а бедные не могут, а расходы в государстве громадны: все дорого, одни деньги дешевы. Комитет бедноты заставит кулаков платить на общие нужды больше... Если правительство будет выпускать новые деньги, а с мест не получать ничего, то денег столько будет выпущено, что они потянут всякую цену...» (ГАНОВА, ф. Р-23, оп. 3, д. 4, л. 16).

Ставка на комбеды в деле сбора налогов и контрибуций, несомненно, принесла положительный для власти результат. В отличие от Советов, в которых постоянно возникали трения и конфликты относительно тех граждан, кого следовало обложить контрибуцией или налогом, комитеты бедноты принимали решения быстро и решительно, заставив имущие и средние слои деревни подчиниться государственной политике в сфере налогообложения (Грехова, Ефимов, 2011, с. 97-98).

В агитационных материалах руководство уезда довольно радикально, используя максимально жесткие выражения, противопоставляло формируемые комитеты бедноты сельским и волостным Советам, в которых крепкие позиции были у зажиточных крестьян. «Советская власть, – говорилось в одном из обращений, – это власть трудового народа, пролетариата над буржуазией, беднейшего крестьянства над зажиточными слоями. Но местные сельские и волостные советы только называются советами крестьянских депутатов, а состоят из кулаков и спекулянтов, которые ничего не делают и не захотят ничего делать для беднейших масс» (ГАНОВА, ф. Р-23, оп. 3, д. 4, л. 16). При этом Арзамасский совет предостерегал крестьян относительно возможного проникновения в комитеты бедноты представителей зажиточных слоев и категорически требовал изначально не допускать таких людей на общие собрания по организации комбедов: «Если на общем собрании присутствует один из тех, кто, пользуясь нуждой соседа, продавал ему втридорога хлеб, или, отказав своей бедноте, спекулировал хлебом в других местах, или устраивал производство самогонки, тратя на нее хлеб, спаивал соседа, – такому на этом собрании не место... Не бойтесь, товарищи, убрать кулаков с собрания: они громко кричат и грозят, но власть над ними взять не трудно» (ГАНОВА, ф. Р-23, оп. 3, д. 4, л. 16).

Надо сказать, что подобные предостережения не выглядели беспочвенными. В Нижегородской губернии отмечались случаи попадания в состав комитетов бедноты зажиточных граждан, тормозивших работу этих организаций. Такое явление, например, наблюдалось в Ардатовском уезде, где пришлось принимать решение об очищении некоторых волостных комбедов от «чуждых элементов» (Грехова, Ефимов, 2011, с. 97).

Летом 1918 г. в Арзамасском уезде шла активная работа по организации комбедов. К началу осени их количество достигло 175. На II уездном съезде комбедов 17-20 ноября, на который приехали 217 представителей из 25 волостей, были отмечены успешные результаты деятельности новых структур по проведению в жизнь закона о хлебной монополии и борьбе с кулаками, выступавшими против решений руководства в области продовольственной политики. Уездные власти, несмотря на многочисленные жалобы, поступающие в Арзамасский совет, на злоупотребления и произвол со стороны комбедов, считали эксперимент с созданием комитетов бедноты вполне удачным. Более того, уже в конце сентября Арзамасский исполком постановил ликвидировать деревенские, сельские и волостные Советы, передав всю власть на местах комитетам бедноты. Данную точку зрения лидер арзамасских большевиков М. С. Березин отстаивал на V Нижегородской губернской партийной конференции, проходившей в конце октября 1918 г. Председатель Арзамасского укома партии аргументировал свое предложение тем, что сельские и волостные Советы настроены весьма оппозиционно и даже в случае их перевыборов середняки пошлют в эти органы власти только зажиточных граждан. Однако линия на ликвидацию Советов не встретила поддержки губкома партии, увидевшего в столь радикальной идее опасность развития конфликта со средним крестьянством и сужения социальной базы большевиков в деревне (Грехова, Ефимов, 2011, с. 109-110).

Собственный взгляд на роль комитетов бедноты в системе управления руководством Арзамасского уезда пыталось донести и до центральных органов власти. Осенью 1918 г. Арзамасский исполком направил в Революционный военный совет Республики письмо, в котором предлагал наделить комбеды широкими политическими правами, далеко выходящими за рамки узко-продовольственной деятельности, и тем самым ускорить ход революции в деревне. «Мы считаем, – отмечалось в письме, что залог победы пролетарской революции кроется в классовом расслоении деревни, в классовой диктатуре деревенской бедноты и исходя из этого функции Комитетов бедноты ни в коем случае не могут ограничиваться продовольственной монополией..., почему и просим Высший военный совет Республики войти в обсуждение нашего взгляда и утвердить его» (ГАНОА, ф. Р-23, оп. 3, д. 73, л. 79).

Процесс ликвидации Советов и полной замены их комитетам бедноты, кроме Арзамасского уезда, массовый характер принял только в двух уездах – Княгининском и Сергачском (Шульпин, 1957, с. 149). На остальной территории губернии комбеды в основном существовали параллельно с Советами. В ряде уездов, где влияние зажиточного крестьянства в местных органах власти было невелико, комитеты бедноты действовали как отделы Советов, фактически работая под их руководством (Грехова, Ефимов, 2011, с. 105-106). Следовательно, позиция арзамасских большевиков по вопросу реализации продовольственной диктатуры и формированию новой структуры власти отличалась крайней левизной. Они полагали, что в органы управления на местах должны были входить исключительно представители деревенской бедноты.

Радикальный подход в решении возникавших проблем, свойственный арзамасским большевикам, отчасти объяснялся чрезвычайно сложной общественно-политической и социальной обстановкой в городе и уезде летом-осенью 1918 г. Установление продовольственной диктатуры и объявленная мобилизация в Красную армию создавали благоприятную почву для восстания против Советской власти. Согласно данным, приведенным в отчете о деятельности Нижегородской губЧК за сентябрь 1918 г., в Арзамасском уезде летом 1918 г. действовала целая организация «контрреволюционных заговорщиков», которая координировала свои планы с антибольшевистским движением за пределами губернии. К организации примкнули почти все волости уезда, а руководителями являлись бывшие офицеры. По результатам расследования выяснилось, что главными застрельщиками к массовому протесту явились крестьяне села Новый Усад, решившие на сельском сходе не давать людей в Красную армию. Такие же сходы были созваны и во многих других селах. В условный день повстанцы намеревались двинуться к Арзамасу из пяти ближайших волостей. Однако организации удалось раскрыть. За несколько дней до предполагавшегося выступления сотни граждан как в городе, так и по всему уезду были арестованы. Волости, которые общим сходом отказались от мобилизации, были приговорены к штрафу: Семёновская, Абрамовская, Каменская и Коваксинская – по 50 тыс. рублей; Чернухинская, Красносельская и Выездновская – по 100 тыс. рублей каждая. В отчете приводится информация о расстреле 38 человек, включая 19 бывших офицеров, якобы причастных к летнему заговору (Забвению не подлежит..., 1994, с. 131-135).

После указанных трагических событий в Арзамасский Совет продолжали поступать донесения с мест о случаях организованной контрреволюционной агитации, которой, в частности, занимались известные в уезде представители партий эсеров и меньшевиков. 20 марта 1919 г. исполком Арзамасского Совета направил письмо в Нижегородскую губЧК с просьбой обратить внимание на положение дел в уезде, предполагая наличие некой подпольной организации оппозиции, готовой в любой момент воспользоваться острым продовольственным кризисом и поднять широкие крестьянские массы против советской власти (ГАНОА, ф. р-23, оп. 1, д. 53, л. 249).

К концу осени 1918 г. на общегосударственном уровне сложилось понимание необходимости выстраивания более доверительных отношений со средними слоями деревни. Дальнейшая деятельность комитетов бедноты могла затруднить реализацию новой стратегии на прочный союз с середняком, поэтому, посчитав, что комбеды уже выполнили свою историческую роль, VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов, проходивший 6-9 ноября, принял решение об их роспуске.

Арзамасские власти положительно оценивали роль комбедов в решении продовольственной проблемы. Благодаря их работе удалось обеспечить горожан и неимущие слои деревни минимально необходимыми продовольственными ресурсами. Комитеты бедноты дисциплинировали сельское население, заставив выполнять распоряжения центральной власти. Они подорвали экономическое господство зажиточного крестьянства и консолидировали социальную базу, на которую большевики могли бы опираться в деревне в последующее

время. Деятельность комбедов имела долгосрочный эффект, поэтому ликвидация данных структур не вызвала обвала хлебозаготовок. В Арзамасском уезде в 1919 г. заготовки ржи по сравнению с предыдущим годом выросли на 100%, овса – на 85%, картофеля – в 2,5 раза (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 78, л. 125).

Вместе с тем архивные источники показывают, что сельские и волостные Советы так и не стали полноценной заменой комитетам бедноты в процессе проведения хлебозаготовок. Информацию о том, с какими трудностями приходилось сталкиваться продовольственным органам, взаимодействуя с Советами, содержит, например, протокол с записью выступлений участников съезда председателей и секретарей волостных исполкомов, проходившего в Арзамасе 4-5 апреля 1920 года.

На этом собрании представители уездной власти, отвечавшие за продовольственную политику на территории уезда, высказали острые критические замечания в отношении сельских Советов, не желавших оказывать сколь-нибудь существенную поддержку уездным властям в продовольственном деле. В выступлениях председателя коллегии упродкома П. П. Леонова и уездного комиссара по продовольствию М. М. Кагановича было отмечено, что Советы фактически саботируют мероприятия по учету и изъятию излишков продуктов у крестьян, выгораживают зажиточных селян. По словам П. П. Леонова, когда в одном из сел отбирали хлеб у бедняков, Совет молчал, а как стали брать у кулаков, то поднялся на дыбы. Председатель коллегии упродкома возмущался, что местные Советы во многих случаях прямо бойкотируют процесс хлебозаготовок: «Где нужно было взять 8000 пудов, там берем 1000 пудов и уходим. Лучше было бы..., если бы на местах нас поняли... Мы ведем беспощадную борьбу с продовольственной разрухой и нужно быть стойкими в этой борьбе. Сельские Советы плохо помогают нам в этой борьбе. Их члены знают, где большие запасы, и не говорят, у них у самих под окнами находят зарытыми мешки с хлебом» (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 78, л. 125).

Представители волостных исполкомов в ответ на обвинения в саботаже заявили, что в деревне уже не осталось лишнего хлеба, некоторые крестьяне съели даже те запасы, которые хранились в качестве семян. Указывалось, что из-за отсутствия корма идет падеж лошадей. Участники съезда обратили внимание уездного руководства на крайне невыгодный для сельских жителей обмен продуктов и товаров. Крестьянам за сданную сельхозпродукцию не выдают эквивалентное количество промышленных товаров. Кроме того, продукты второй необходимости распределяются слишком неравномерно, город получает их намного больше и на этом спекулирует. Один из выступающих весьма категорично выразил позицию деревни: «Продовольственная политика строится на обмане. Этим мы теряем доверие населения. Крестьянин много дал государству, а сам почти ничего не получил» (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 78, л. 128).

Материалы съезда председателей и секретарей волостных исполкомов также показывают, что в Арзамасском уезде даже после введения хлебной монополии процветала нелегальная торговля хлебом и спекуляция. М. М. Каганович привел пример, как в ходе обыска у некоторых граждан в Арзамасе нашли весьма значительные запасы муки, купленной нелегальным способом: «Встречались такие дома, где находили по 20 пудов муки. Спрашивается, где взяли хлеб? Купили здесь на постоялом дворе. Хлеб идет из деревни. В деревне вся спекуляция, которую нужно во что бы то ни стало задуть». Каганович посетовал, что из-за противодействия кулаков уездные власти не могут обеспечить городское население необходимым количеством продовольствия, выдавая лишь по 5-10 фунтов хлеба – гораздо ниже установленных норм. «Рабочий издыхает с голода, а кулак повезет свой хлеб в город к тем же буржуйам. Голодный рабочий немного нарабатывает машин, немного зарабатывает и других предметов», – резюмировал М. М. Каганович. На масштабную спекуляцию, пустившую глубокие корни в уезде, указывал и председатель уисполкома А. С. Куренков, который, однако, пытался несколько смягчить накал дискуссии во время обсуждения продовольственного вопроса, ссылаясь на объективный характер возникших проблем, в частности отсутствие правильного учета посевных площадей (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 78, л. 126-127).

После прений участники съезда большинством голосов приняли компромиссную резолюцию, в которой упродкому и уземотделу предлагалось приступить к точному учету посевной площади уезда и следить за действительной урожайностью хлебов. Помимо этого, не дожидаясь распоряжений из центра, каждый волостной и сельский Совет должен был создать специальную комиссию по учету обрабатываемой земли и урожая, своевременно информируя обо всем уездное руководство (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 78, л. 128).

Говоря о трудностях в реализации продовольственной политики на местах в годы Гражданской войны, следует учитывать такое важное обстоятельство, как серьезная нехватка квалифицированных и опытных специалистов для укомплектования советских структур управления. Это касалось и продовольственных органов. Бывшие чиновники царской России после Октябрьского переворота часто отказывались работать в государственном аппарате по идеологическим и другим причинам, поэтому в новые органы власти набирались люди, не имевшие соответствующего образования и подготовки. С этим были связаны многие ошибки и просчеты, допускаемые в продовольственном деле. Руководство Арзамасского уезда, как следует из документов, в ряде случаев признавало свои ошибки. Так, в одном из докладов исполком Арзамасского совета констатировал, что реализация урожая хлебов в 1919 г. «проходила бессистемно, упродком фактически не знал, берет ли он излишки или последнее, ввиду чего, несомненно, были случаи изъятия у владельцев хлеба, необходимого им для посева» (ГАОА, ф. Р-23, оп. 1, д. 110, л. 365).

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что продовольственная проблема досталась советской власти в наследство от прежних политических режимов. Ни царское, ни Временное правительство не смогли создать

эффективного механизма обеспечения горожан и других категорий нуждающегося населения продовольственными товарами по доступным ценам. Затяжной хлебный кризис стал одной из причин революционного взрыва в России в 1917 г.

Весной 1918 г. ситуация приняла угрожающий для советской власти характер. Многие города и местности, в том числе Арзамас, оказались на грани голодного бунта. Сразу несколько факторов негативным образом влияли на продовольственное положение: утрата контроля над рядом зернопроизводящих регионов, коллапс денежно-финансовой системы (гиперинфляция), резкое сокращение производства промышленной продукции, интересной крестьянам для покупки или обмена на хлеб.

В сложившейся ситуации большевики выбрали наименее рискованный с точки зрения сохранения собственной власти путь частичного преодоления продовольственного кризиса и стабилизации общей обстановки. Введение продовольственной диктатуры при всех трудностях и издержках в процессе ее реализации гарантировало поступление хотя бы минимального объема продовольственных ресурсов в распоряжение государственных органов с тем, чтобы в дальнейшем эту продукцию можно было распределять среди горожан и неимущей части сельского населения.

Следствием предпринятых в ходе хлебозаготовок чрезвычайных мер явилось возникновение конфликта между властью и крестьянством. Однако центральное руководство большевистской партии все же сумело удержаться в рамках рационального подхода во взаимоотношениях с крестьянской массой, не пойдя на поводу у радикальных сил внутри партии, предлагавших оставить комитеты бедноты в качестве единственных органов власти на местах.

Перспективы дальнейших исследований связаны с возможностью проанализировать изменения в продовольственной политике на уровне Арзамасского уезда в 1920-е годы.

Материалы исследования | Research materials

1. ГАНОА – Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23.
2. ГАНОА. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 8, 53, 78, 104, 110.
3. ГАНОА. Ф. Р-23. Оп. 3. Д. 4, 73.
4. Декреты Советской власти. М.: Изд-во политической литературы, 1959. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г.
5. Забвению не подлежит: Неизвестные страницы нижегородской истории (1918-1984 гг.) / сост. Л. П. Гордеева, В. А. Казаков, В. В. Смирнов. Н. Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1994. Кн. 2.

Источники | References

1. Андрюхин В. И. Жернова революции: 100-летию органов государственной безопасности посвящается. Н. Новгород: Литера, 2017.
2. Грехова Н. Н., Ефимов О. В. Советы и крестьянство в 1917-1922 гг. (на материалах Нижегородской губернии): монография / отв. ред. Е. П. Титков. Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара, 2011.
3. Демичев А. А. Борьба с контрреволюцией в Нижегородской губернии в 1918-1920 годы (по архивным материалам) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. № 2.
4. История Арзамаса / под общ. ред. О. В. Ефимова и Г. И. Родиной. Арзамас: Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета, 2016.
5. Климченков О. И. Кризис промышленности Нижегородской губернии в преддверии новой экономической политики // Преподаватель XXI век. 2020. № 4-2.
6. Липатова Н. В. Ошибка регионального масштаба. Хлебная монополия Временного правительства и ее последствия // Центр и периферия. 2015. № 4.
7. Медведев А. В. Продовольственное положение и продовольственная политика Советского государства в 1918-1920 гг. (на материалах Нижегородской губернии) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5.
8. Медведева Т. А., Бушуева С. В. Социально-экономический кризис в Нижегородской губернии и его роль в утрате легитимности новой демократической власти в период февраля-октября 1917 г. (по материалам нижегородской печати) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 2.
9. Никулин В. В. Продовольственная политика Советской России и крестьянство: к проблеме возникновения и развития конфликта между властью и крестьянством (1918-1920 гг.) // Современная научная мысль. 2022. № 6. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-6-101-108>
10. Оськин М. В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204).
11. Очерки истории Арзамаса / науч. ред. и авт. предисл. Б. П. Голованов. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1981.
12. Потороев А. В. Политическая борьба в Арзамасе // Революция 1917 года и Нижегородская губерния: сборник статей / сост. и отв. ред. С. А. Смирнов. Н. Новгород: Вертикаль. XXI век, 2017.

13. Сахневич И. В. Правовые основы продовольственной политики Временного правительства // Юридические записки. 2014. № 1.
14. Сепелев О. О. Организация продовольственного дела царским правительством в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 года) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. № 2 (859).
15. Шульпин П. И. Под знаменем Октября: Борьба за Советскую власть в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии. Горький: Горьковское книжное издательство, 1957.

Информация об авторах | Author information

RU

Белохвостов Андрей Николаевич¹, к. ист. н., доц.

¹ Нижегородский институт путей сообщения –
филиал Приволжского государственного университета путей сообщения

EN

Andrey Nikolaevich Belokhvostov¹, PhD

¹ Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering, branch Volga State Transport University

¹ andry1979b@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.08.2026; опубликовано online (published online): 14.10.2026.

Ключевые слова (keywords): Арзамасский уезд; хлебная монополия; продовольственная диктатура; заготовки хлеба; комитеты бедноты; Arzamas uyezd; grain monopoly; food dictatorship; grain procurement; committees of the poor.